

Слава и семиосфера. Фамическая функция знаков

М. Эпштейн
АТЛАНТА

Знак, по определению, – то, что замещает нечто другое при передаче сообщения. Хотелось бы обратить внимание на одно свойство знаков, которое, насколько мне известно, не отмечалось в семиотике. Знак создает некую «прибавочную стоимость» своему означаемому, что в обиходе называется славой или известностью. Представьте, что работает человек тихо-смирно в своей должности. Вдруг у него появляется заместитель – и человек сразу выходит в начальники. Так и всякий предмет, у которого есть знаки-заместители, выступает в роли начальника. Он приобретает некую важность и неуловимость, поскольку мы гораздо чаще встречаем отсылки к нему, чем его самого. Сам же он именно благодаря наличию заместителей становится незаменимым, что не бросалось в глаза, когда он существовал сам по себе.

Эта функция знаков – усиления важности, *значимости* означаемого – семиотически совершенно прозрачна, и ее нельзя обнаружить ни в денотативном, ни в коннотативном плане значения. Она не имеет ничего общего с экспрессивным, эмотивным или оценочным значением, которое выражает отношение говорящего или пишущего к означаемому. **Значимостную** функцию знака, сигнификантность или сигнифичность (*significity*), можно определить как **самозначимость** знаковых отношений, как информативность самого процесса передачи информации. Любое сообщение несет двойную нагрузку: собственно семантическую и саморепрезентирующую. Когда мы читаем о писателе А, актере Б, политике В, то извлекаем из этого сообщения еще и сам факт его передачи. Допустим, мы читаем: «Писатель А женился на актрисе Г». В этой информации содержится – без дополнительных слов, знаков – еще и информация о факте передаче данной информации. И эта дополнительная, *значимостная* информация может быть важнее другой, предметной, собственно значащей. Для многих читателей важно не то, что писатель А. женился, или развелся, или написал роман, или получил награду, а то, что этот факт из его жизни удостоивается сообщения, становится достоянием гласности. Предмет сообщения вырастает в своей значимости благодаря самому факту сообщения.

Причем это дополнительное значение выражается через тот же самый знак, который, таким образом, становится знаком самого себя, знаком своей значимости.

Эту прозрачную функцию самоозначивания, заложенную в каждом знаке, можно назвать **«фамической»** (*famis*, от лат. «*fame*», слух, молва, и от англ. «*fame*», известность, слава). Здесь мы используем аналогию с «фатической» функцией, которая давно уже выделена в актах коммуникации (от греч. *φῆσις*, *phatos* ‘говоримый’, от *φῆμι*, *phēmi* ‘говорю’). Как известно, фатическая функция речи (отмеченная Р. Якобсоном в известной статье «Лингвистика и поэтика») устанавливает и поддерживает сам процесс коммуникации, не позволяя ему прерваться. Люди часто говорят ради самого процесса говорения – таковы приветствия, междометия, вводные слова типа «знаете», «видите ли», фразы-клише, слова-паразиты, разговоры о погоде и т.п.

Фамическая функция сходна с фатической в том, что обе – автореферентны, т.е. направлены на сами знаки, точнее, на сам процесс коммуникации. Обе функции относятся к прагматике – разделу семиотики, который изучает отношения между знаками и их пользователями. Но в рамках этой общности данные функции различны и даже противоположны. Фатическая функция определяется сознательной установкой говорящего на инициацию и поддержание общения. Эта функция минималистична, она нацелена на общение как таковое и не преследует информативных целей, эффекта воздействия на слушателя, передачи ему содержательного и ценного сообщения. Фамическая функция, напротив, максималистична, она передает сообщения о самом факте сообщения, тем самым усиливая его воздействие. Причем достигается этот эффект независимо от сознательных усилий говорящего, от его экспрессивных и оценочных стратегий, поскольку сам факт сообщения уже содержит дополнительную информацию о себе. Благодаря фатической функции, сообщение может состояться; благодаря фамической функции, оно сообщает о своей общности, т.е. устанавливает свою значимость. Негласную предпосылку любого сообщения «*a* есть *b*» можно выразить так: «‘*a* есть *b*’, и это то, что вы должны знать, то, что достойно сообщения». Разумеется, фамическая функция тоже может применяться сознательно, но это ее вторичный признак: когда сообщения целенаправленно умножаются, например, в рекламных или пропагандистских целях. Первичный же признак фамической функции – то, что она срабатывает автоматически при каждом акте сообщения, как его саморепрезентация.

В результате у читателей, зрителей, слушателей, всех потребителей информации образуется не просто картина данного события или человека, но картина в фамическом излучении, в сиянии славы, – знаков, источающих свою значимость. Вокруг информационно раскрытых фигур светится ореол чистой значимости, которую очень трудно перевести на язык означаемых. То, что у писателя А. много заместителей, т.е. замещающих его знаков, усиливающих его значимость (в книгах, газетах, на телевидении, в интернете), – меняет ли это наше представление о нем? Да, прибавляется нечто вроде бессмертия, вездесущности, всегдасущности, т.е. на него проецируются свойства тех знаков, которые его замещают. Знаки, в отличие от означаемых, сохраняются на долговременных носителях, вроде бумаги, фото, видео, дисков, компьютерной памяти.

ти, в виде аналоговой или цифровой записи, и способны к быстрому распространению, воспроизведению, умножению. Поэтому фигура писателя А. становится полумифической или просто мифической: он един во всех своих лицах, и здесь, и там; и раньше, и сейчас, и потом. Знаки проецируются на бытие означаемого, наделяя его трансцендентными свойствами.

Именно на такое бытие «знаковых» и «значимых» фигур – Ломоносова, Суворова, Пушкина, Толстого, Ленина, Гагарина – мы ориентированы с детства, именно они преподносятся нам как образцы, с которыми мы должны сверять свою жизнь. Мы окружены медиа-средой, излучающей сверхзначимость. В жизни обычных людей образуется пустота, минусность существования, поскольку точкой отсчета берется инфляционная семиосфера, с ее растущими мегабайтами и гигабайтами. Мы просто живем, а они, гига-гиганты, *живут*, достигая славы и бессмертия. Мы читаем, а они *читают*, вбирая знания предков и в обогащенном виде передавая их потомкам. Мы говорим, а они *говорят*, изрекая то, что разойдется цитатами по учебникам. Мы спим, а они *спят*, озаряясь образами своего бездонного подсознания. Мы страдаем, а они *страдают*, жертвенно совершая подвиги и открытия... Эти, по сути, слово-омонимы совпадают по написанию, но различаются по значению, точнее, по значимости. Каждое слово-омоним, записанное курсивом, окутано славой, вбирает в себя самозначимость множющихся знаков. Конечно, мы понимаем, что жить – это и значит жить: есть, пить, делать привычные дела, встречаться, разговаривать, спать, болеть, выздоравливать и т.д. Но к этому знанию, уравнивающему нас с ними, добавляется еще семантический ореол, который условно проецируется на их бытие как сияние, парение, блаженство, отрыв от физической реальности и перенос в сферу значимостей.

Еще раз подчеркнем: фамическая функция знаков отличается от оценочно-экспрессивной. Дело вовсе не в том, что Пушкина или Ленина провозглашают гениями, вождями, основоположниками и т.д.; дело не в субъективном отношении к ним говорящих, а в том, что сами акты сообщения, каково бы ни было их оценочное содержание, выстраивают особую сферу значимости для своих означаемых.

Когда нам случается воочию встретить сверхпопулярных современников, обычно заслоняемых семиотическим ореолом, то мы как бы не вполне верим своим глазам, такой разрыв создается между реальностью и ее знаковой проекцией. Фамическая функция знаков, слава, не имеет своего познавательного наполнения, она просто добавляет к знанию о людях еще и нечто вроде веры в них. Вера обычно предполагает святость, чудесность, сверхъестественность своего предмета. Слава – это и есть мирская святость. Самозначимость знаков проецируется на означаемые как сверхзначимость: всемогущество, всезнание, неподвластность бытовым мелочам и неурядицам жизни.

По контрасту, собственная жизнь кажется нам убогой и приземленной, и степень неудовлетворенности собой у медиа-юзеров растет в прямой пропорции к насыщенности информационной среды. Чем больше о Них и чем больше Они, тем меньше мы сами. Медийная среда, работая на сверхзначимость одних фигур, в такой же пропорции раскрывает незначительность других, составляющих бесславное большинство. Все острее воспринимается несправедливость в распределении символического капитала. Одним – все, дру-

гим – ничего. А ведь в информационный век символический капитал не менее значим, чем материальный, создает не меньшее ощущение богатства, могущества, полноты жизни.

Требуется опыт и зрелость, чтобы опознать в жизни «замечательных» людей признаки того существования, которое ведет каждый из нас. В юности нас завораживают биографии тех, кто уже успел войти в учебники и энциклопедии. И лишь проходя дальше жизненный путь и становясь старше тех сверхславных людей, которые его уже завершили, начинаешь отделять этот ореол славы от того медленного тления жизни, которое происходит с ними вне волшебного-увеличительных зеркал семиосферы. Чем была жизнь поэтессы Эмили Дикинсон, панически боявшейся людей, прятанной от соседей и почти не выходившей из дому? Чем была жизнь сказочника Ганса Христиана Андерсена, робкого, несчастного, страдающего комплексом неполноценности, который не в состоянии была излечить слава его сказок. Чем была жизнь Кьеркегора, слывшего городским сумасшедшим? Чем была жизнь Достоевского, с его эпилептическими припадками, вечными долгами, жидким испитым чаем? Чем была жизнь Антонио Гауди, создателя великих храмов и дворцов, который с детства болел туберкулезом и умер сбитый трамваем, в больнице для нищих? Только с возрастом начинаешь постигать всю грубость и сырость вещества существования, не преображенного знаками сверхзначимости, потому что там, где стояли Они, на той же возвышенности перед обрывом, теперь стоишь ты сам, с маленькой буквы, безо всякого ореола, без курсива...

Создатель поп-арта Энди Уорхол, в качестве авангардного жеста, провозгласил принцип равенства символического капитала: каждый имеет право на свои 15 минут славы. Имелось в виду телевидение. Но с распространением интернета символический капитал становится все более доступным – и тем более желанным. Живой Журнал, Фейсбук, Твиттер, Вконтакте и другие социальные сети, где каждый представлен своим блогом или страницей, – это способ выравнивания символического капитала, это демократия в семиосфере. Но и эти сети становятся ареной ожесточенной борьбы – за гуглики, единицы сетевой известности. Сколько раз мое имя упоминается в инете, на каких сайтах, сколько человек записалось ко мне во френды, сколько посещений приходится на мой сайт ежесуточно, ежечасно? Таковы вопросы нового, демократического распределения символического капитала, когда какой-нибудь смысленный подросток или домашняя хозяйка в аляскинской или оклахомской глуши, выстукивая на компьютере свои откровения, могут сравняться в сетевой, а значит, национальной и даже всемирной славе с иными писателями или политиками. Подобно тому как имущественный капитал все более равномерно распределялся в ходе исторического развития: от рабовладельческого и феодального общества к современному капиталистическому, – так, благодаря интернету и виртуальным мирам, и символический капитал начинает распределяться более справедливо, позволяя каждому проникнуть в сознание каждого и стирая неравенство географических, социальных и профессиональных условий в реале.

Важно выявить антиномию в основе нашего отношения к «фамическим», т.е. знаково замещаемым личностям. С одной стороны, именно такие «славные» личности составляют для большинства людей референтную группу, ос-

нову социально-психологических норм и ценностных ориентаций. Мы сверяем свою жизнь и ее высшие смыслы с писателями, философами, политиками, персонажами кино и литературы, т.е. наиболее знаково опосредованными фигурами. Именно они в наибольшей степени формируют наше мировоззрение и самосознание. С другой стороны, они выступают именно в форме своих замещений, следов, отголосков, размывающих их достоверность и реальность. Как все означаемые, они присутствуют в модусе отсутствия, причем, чем значимее эти фигуры, тем более они заслонены рядами бесконечно множимых знаков. Иными словами, самое сильное воздействие на нас оказывает то, что в наибольшей степени удалено от нашей действительности.

Отсюда высокая степень неудовлетворенности собой и метафизического «недоумения», которое испытывает большинство людей, ощущая огромный разрыв между собой и теми «образцами», которые они считают обязательными или желательными для себя. Они не находят в своей жизни места для «пушкинского», «толстовского», «ленинского», «гагаринского», не осознавая, что это «**ское**» не имело места и в жизни самого Пушкина или Толстого, оно привнесено в их жизнеописания фамилической функцией тех знаковых систем, которые усиленно вокруг них разрастались. Сами Пушкин или Толстой жили внезапно, точнее, их жизнь была наполнена значимостью других фигур, которых они пытались перевоплотить в реальность своей жизни: Будды, Руссо, Вольтера, Байрона... Этот разрыв между собственной жизнью и значимостью других жизней наполнен прозрачным эфиром семиосферы – прозрачным до такой степени, что легко расшибиться о недостижимость чужой жизни, подобно тому, как птица разбивается о стекло.

Осознание фамилической функции знаков, демистификация их сверхзначимости может оказать терапевтическое воздействие на обитателей семиосферы, т.е. на всех мыслящих, читающих, говорящих. Это значит: не обесславить тех, кто прославлен, – но понять, что сама слава есть семиотический феномен.